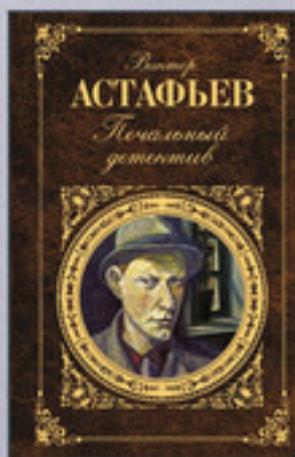

Виктор Астафьев

Голубое поле под голубыми небесами

Часть сборника
Печальный детектив (сборник)

Виктор Астафьев

**Голубое поле под
голубыми небесами**

«ЭКСМО»

Астафьев В. П.

Голубое поле под голубыми небесами / В. П. Астафьев —
«ЭКСМО»,

Произведения В. П. Астафьева (1924—2001) наполнены тревогой за судьбу родной страны, переживающей период «всяческих преобразований и великих строек, исказивших лик святой Руси, превративших ее в угрюмую морду, покрытую паршой всяческих отходов, блевотиной грязной плесени и ядовитыми лишаями»; за человека, утрачивающего человеческое лицо, совесть, достоинство. Автор призывает остановиться, взглядеться в свое лицо: куда уведет этот путь? Не от самого ли себя? А ведь счастье – в честности и верности своим принципам, в простых человеческих радостях, умении любить.

© Астафьев В. П.

© ЭКСМО

Содержание

Льняное поле в цвету	5
Льняное поле в конце лета	6
Льняное поле в осеннюю пору	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Виктор Астафьев

Голубое поле под голубыми небесами

Льняное поле в цвету

Голубое поле под голубым небом.

Закрою глаза – и вот оно явственно передо мною. Слабенькая с виду зелень, отраженная от другой, более буйной, напористой растительности. Тишина поля открыта доверчивому сердцу. Древняя во всем покорность жизни царствует здесь – солнцу, свету небесному, от которого набирается поле скромного, домашнего и тоже доверчиво-тихого цвета. Но эта ненадоедая однотонность, однообразность и уединенность его кажущаяся, застенчивость вкрадчивая. Уже в близком отдалении поле разливается в мглисто-небесную ширь, чем далее к горизонту, тем яснее сияющую, и уже не понять: где поле, где небо – живая, все в свою глубину погружающая синь.

Льняное поле в цвету словно бы вслушивается в себя, бережно, как бы даже чуть тайно наливает свои слабые на вид стебельки ситцевым дождевым крапом, и неназойливая, но непоборимая уверенность присутствует в поле и над полем – никто не сможет облететь его, пройти мимо, всяк задержится на нем взглядом, приостановит шаг, zalюбуется им, помягчает сердцем, пожалеет о чем-то прошедшем и решит, что не все еще в жизни утрачено, раз есть на земле эта, всем доступная, обнадеживающая красота. Над цветущим полем льна даже пчелы и шмели смиреют, летают неторопливо, долго усаживаются на гибкий стебелек, сосредоточенно прицеливаются к цветку и, напарив его бледную, лучистую сердцевину, замирают в сладкой дреме. Жаворонок выберет минуту, освободится от семейных хлопот, взовьется в небо и звенит над полем, сзывает всех сущих и зрящих подивиться на него; стремительный ястреб, высмотрев в гущах льна мышку, падет вдруг сверху, и дрогнет поле от его вихревых крыльев, катится по нему голубая волна, разымаясь пашенным пластом до самого межника; от струящегося из впадин прохладного воздуха ходят беззвучные молнии по льну, брызгами осыпая подножье стеблей, и стоят льны по колено в синей, раскрошенной воде.

Короткой летней ночью объявится на небе всеми забытая луна, и тогда идет к ней от поля голубое свечение, и останятся, замрут сами в себе ночное небо, ночная луна, оберегая мир поднебесный от волнений и тревог, и это робкое, тайно сияющее поле оберегая.

Уймись и ты, тревожный человек, успокойся, мятущаяся душа. Слушай! Внимай! Любишься! В мире царствует благодать. Поверь в незыблемость и вечность его. И не говори никаких слов. Не плачь, не стнай – сон и покой кругом.

Тихое-тихое поле. Дивная даль. Россия.

Льняное поле в конце лета

Но потускнели пашни. Унялось и остыло небо. Посерело с окраин. Льняное поле поспело, стебли сникли, мелкими птичьими глазками смотрятся в землю. Слитный шорох катится по полю. Черствая, издержанная земля к полудню нагреется от скупого уже, но в зените все еще знойного солнца, и тогда сыпкая, едва слышная звень разносится по округе. Рдеет теплая пыль над вызревшим льном, в каждой капельке круглого, медного шеркунца бьется звонкое семечко. И когда в ночи остынет и отмякнет под студеной росой старчески сморщенная земля, травы и последние цветки, еще живые в корешках, дружно отвернутся от студеной речки к спелому льняному полю, над которым почти до рассвета ходят волны печного, сытого тепла, реют сны пашенного успокоения.

Идешь вдоль поля, невольно протягиваешь руку, греешь ладонь на теплом льне. Вдруг с грохотом, мохнато махая крыльями, выбивая семя из коробочек, взовьются над полем и разлетятся в разные стороны дикие голуби. Следом за ними тяжело разбежится и, разрывая золотистое поле льна, взлетит глухарь, напуганный шумом.

Долетев до межевой каменной гряды – дальше не может, ожирел от обильного корма, – птичий великан, угрозившись среди малинника и отсохшего кипрея, хмуро оглядится вокруг – откуда опасность? Кто помешал ему подбирать и склевывать с земли такие вкусные зерна? Омежный камень, как загнета в давно протопленной русской печи, чуть еще тепел, и, оглядывая из-под бурой брови окрестности, глухарь сморенно оседает на брюхо, льнет пером к теплу, сыто задремывает на камне.

Пойдешь за малиной или по смородину к речке, глухарь недвижим и незаметен, что камень, на котором он угрелся и приютился. Сойдешься вплотную, он так загромыхает крыльями, что невольно вздрогнешь, сердце подпрыгнет в груди. Но, поняв напрасную причину страха, уж просто так, для облегчения, выдохнешь: «А чтоб тебе пусто было!» – и проводишь птицу взглядом до леса. Влетев в ровный осинник, сронив ворохи листьев, грузная птица долго, вроде бы неуклюже громоздится на дереве, потом что-то на себе шевелит клювом, поправляет какое-то перо и, успокоившись, смотрит сверху на привычную землю, на дальние леса с токовищем в сосновом бору, на желтое поле, залитое расплавленным золотом.

Обложенное с четырех сторон грядами давно убранных, мшелых, растрескавшихся камней, поле, полное шорохов и звона, с неременной дорогой посередке и мутной водой в колдобинах, живет своей вечной, неизменной жизнью. И облик этой вечности наполняет древнюю птицу чувством покоя и уверенности в том, что они неразделимы: земля и поле, птица и лес, небо и свет небесный.

Льняное поле в осеннюю пору

Но что это там, за полем, вдали? Какое движение на дороге? Что за там и шум?

Люди. Приехали из райгородка убирать лен. «Ахти мне!» – если б умел, воскликнул бы глухарь, увидев автобус, возникший из вихря пыли, и на всякий случай рванул в густые ельники.

Школьники старших классов и студенты текстильного техникума, увидев торопливо отлетающую в укрытие темную птицу, закричали:

– Страус!

– Пеликан!

– Фламинго!

– Реликт! – сказала учительница старших классов и попробовала занимательно поведать своим учащимся о птице каменного века – глухаре. Но тут не школа, не класс, тут воля. Парни и девчата не стали слушать учительницу, включили транзисторы и сперва, танцуя или борясь, потоптались по льну, затем полежали на меже в обнимку, после чего в обнимку же вошли в лен, местами уже полежавший, спутанный, чернеющий проволоочно-крепкими стеблями, с вершинок которых сыпались круглые коробочки и выранивали из пересохшего нутра сердечки семян.

Там, где лен не полег, он ровно клонился от спелой тяжести. Казалось, кто-то причесал поле и оно уже отмолилось и приготовилось к кончине.

Вид поля являл собою полное согласие с тем, что изошло, отцвело, созрело растение, пора ему на покой, в сушку, в мялку, в расческу и куделею на прялку. Потом ниткой в клубок, с клубка на ткацкий станок, а там уж чего швей-мастерицы решат: рубахой ли быть льну, в онучах ли износиться, полотном ли отбеленным сделаться и вышитыми петухами украситься, может, половичком под ноги молодых постелиться, саваном укрыть жницу иль швею, может...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.